

~ 1997₁

Е. Т. ГАЙДАР

**ЛУЧШАЯ ЧАСТЬ ХОЧЕТ ИДТИ ВПЕРЕД И ИМЕТЬ
ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКУ.**

Можно ли было обеспечить достаточную политическую поддержку радикальным реформам, чтобы довести их до конца, - например, на волне победы демократических сил в путче 91-го переизбрать Верховный Совет Российской Федерации?

Абсолютно невозможно. Я очень хорошо помню реалии этого времени. Эта идея лишена опоры на понимание реально складывающейся ситуации. Давайте снова вернемся в осень 1991 года. Советский Союз формально еще существовал, но реально не функционировал. Его законы не действовали ни на одном клочке территории. У союзных республик, включая Россию, не было своих институтов государственности. Кто в этой ситуации руководил армией, ядерными силами, денежным обращением, таможней - на все эти вопросы ответа не было. В этой ситуации Ельцину, который только что при опоре на Верховный Совет России подавил путч августа 91-го года сказать, что, он его распускает, - к тому же не имея для этого никаких конституционных полномочий, - это самое неразумное, что можно было сделать. На фоне правового хаоса и нарастающей экономической разрухи, когда планово-административные рычаги уже отказали, а рыночные еще не сложились, ввязаться в малопонятную избирателям кампанию - было бы шагом к политическому самоубийству.

Если нельзя было обеспечить политической поддержки радикальным реформам, чтоб довести их до конца, нужно ли было вообще начинать их проводить?

Это не было вопросом выбора. Вопрос в следующем, могли ли бы мы не начинать тогда радикальные реформы? Надо проанализировать, что бы в результате получилось. Первое - надеяться на восстановление управляемости в той ситуации, которая сложилась, было явно нереалистично. Рычаги управления были упущены еще в августе 1991 года. Полагать, что можно обеспечить снабжение Москвы, Питера и других крупных городов хлебом только потому, что вы издадите какие-то распоряжения, мог только человек, который совершенно не представляет, что происходит в стране. Чтобы преодолеть кризис хлебного снабжения крупных городов, похожий на то, с чем столкнулось в свое время Временное правительство, нужно было либо ввести продразверстку, что было явно невозможно, либо задействовать рыночные стимулы. А задействовать рыночные механизмы в этот момент - значило разморозить большую часть цен. Если вы в этой ситуации пытаетесь сохранить под контролем значительную часть цен, при высокой инфляции постоянно возникают острейшие ценовые диспропорции и постоянная необходимость крупных повышений регулируемых цен. В стране накоплен большой денежный навес и при этом существует единая рублевая зона, идет соревнование, кто быстрее напечатает деньги, глубоко подорвано доверие к национальной валюте. Если либерализовать цены без достаточно жестких финансово-бюджетных мероприятий, позволяющих ограничить расходы и бюджетный дефицит, страна автоматически входит в гиперинфляционный режим и деньги в обороте так и не появляются. Ходят доллары при средней зарплате в 7 долларов в месяц (декабрь 1991 года). "Мягкая" реформа в этой ситуации немедленно выводила страну в гиперинфляционный режим. Можно было, конечно, пойти по этому пути. Можно посмотреть опыт стран, где прошли гиперинфляцию. Развитие событий там оказалось существенно более жестким, чем в России. Плюс к этому гиперинфляция еще не рыночной денежной экономики - это продолжение хлебного кризиса, кризиса снабжения городов и, после размораживания цен, не появившиеся на прилавках товары. Поэтому в том положении, в котором мы оказались в конце 1991 года, не проводить достаточно серьезных стабилизационных мероприятий просто

потому, что нет для этого политической базы, было, на мой взгляд, безответственно.

Значит правительство радикальных реформ заранее было согласно с тем, что оно не является самостоятельной политической силой?

Конечно правительство реформаторов в конце 1991 года не было самостоятельной политической силой, лишь позже, постепенно оно становится таковой. Оно пришло на президентском решении, которое опиралось на формирующийся в том момент консенсус. Ельцин - человек, который очень хорошо чувствует и общественное настроение и настроение в элитах. Осенью 1991 года всем было понятно, что необходимо начинать очень жесткие, решительные преобразования. Напомню, когда Ельцин сказал об этом на V съезде, в октябре 1991 года, то съезд поддержал его и вверил ему чрезвычайные полномочия. А когда перед этим он обсудил это на Госсовете, где присутствовала вся политическая элита, включая Руцкого и спросил, все ли согласны с тем, что надо так делать, ни один человек не возразил. Тогда было понятно, что цены надо размораживать, откладывать дальше нельзя, что это страшно и по этому очень многим хотелось, что бы ответственность лежала не на них. Правительство, сформированное в конце 1991 года, не имело собственной политической базы. Но это было правительство, порожденное объективными требованиями времени. Надо было переходить от слов к делу, начинать реформы, брать на себя ответственность. Фундаментальная проблема нашего правительства состояла в том, что оно вынуждено было осуществлять эти реформы в условиях очень слабой размытой государственной власти с неупорядоченными отношениями между Россией и остатками Союза, Российским Центробанком и центральными банками стран СНГ, Россией и регионами, правительством, законодательной властью и т. д. Все это резко осложняло проведение осмысленной экономической политики.

Общепризнанное замедление экономических реформ после 1993 года - это смена политического курса?

Радикально изменилась ситуация. Был период сугубо революционной политики - с августа 91-го по осень 93-го года, когда можно было бороться за реализацию определенного курса. Но у правительства в руках было очень мало рычагов. И наша главная задача была сохранить общее направление. После осени 93-го года происходит радикальное усиление исполнительной власти. Меняется отношение регионов к центру. Уже нет проблем с рублевой зоной. Преодолен кризис двоевластия, в руках президента широкие полномочия. Принимается президентская конституция. Это действительно точка выбора. В это время шла очень интенсивная внутренняя, хоть и не явная, не видная полемика в верхних эшелонах российской власти - что со всем этим делать? Либо нам использовать это для того, чтобы вернуться на курс, который условно можно назвать путем "шоковой терапии", и быстро остановить инфляцию, ускорить рыночные реформы что бы уже в 1995 году создать базу роста экономики. Либо сказать, что народ устал от реформ, давайте помедленнее, поосторожнее, короче говоря, воспринять все то что говорили наши оппоненты из градуалистского лагеря. Президент колебался в выборе линии, а окончательное решение принял после парламентских выборов декабря 1993 года. Именно после выборов президент дал зеленый свет сторонникам замедления реформ. Это расходилось с моей позицией и предопределило мой выход из правительства. Так что дело было не в том, что в тот год произошел резкий поворот в экономической политике, а в том, что резко изменилась ситуация - мы действительно оказались в точке выбора и была выбрана траектория, по моему убеждению, ошибочная.

Сложилось впечатление, что проведению до конца радикальных реформ помешала тогда постоянно нависавшая угроза гражданской войны, но, может быть, эта угроза была преувеличена?

То, что ситуация была предельно нестабильной и могла обернуться большой кровью, - у меня не вызывает никаких сомнений. События 3-4 октября 1993 года - это очень непродолжительная, скоротечная гражданская война, которая пронеслась по Москве, расставила все по своим местам и определила, каким путем мы пойдём дальше - какой будет структура общества. То, что она могла вылиться в полномасштабную гражданскую войну, было серьезной угрозой. И зная опыт таких стран, как Грузия, Таджикистан и Югославия, я всегда считал, что это та угроза, с которой надо считаться.

Это значит, что политическое чутье Ельцина, повернувшего в сторону консервативных сил, было оправдано?

Я убежден, что пик угрозы гражданской войны пришелся на период 1991-1993 годов. После того, как была принята новая конституция, этого потенциала уже не было. Общество уже явно стабилизировалось и не хотело гражданской войны. Опираясь на те потенциалы полномочий, которая давала новая конституция, на очень приличный состав Думы, можно было в этот момент двинуться вперед. Но, конечно, Б.Ельцину, человеку, который только что прошел через эти тяжелейшие годы с навалившейся на него ответственностью за то, что бы не допустить полномасштабной гражданской войны в России, сразу вступать в новую драку, в новую серию реформ было очень трудно.

Как Вы оцениваете нашу федеральную политику, нужно ли было так упорно удерживать Чечню и какое федеральное устройство нам необходимо?

Если бы я формировал федерацию в 20-ых годах, я бы пытался выстроить ее по-другому - более просто и симметрично. Но она уже выстроена. Это данность. Напомню, что кризисы с автономиями начались

еще при Советском Союзе. То, что Россия может последовать за Советским Союзом и развалиться в 1991-1992 годах было реальной угрозой. В январе 92-го года Татарстан провозгласил независимость и тогда это было политической реальностью. Из точки, где шел лавинообразный процесс краха Советского Союза, который явно мог поглотить за собой Россию, придти к той точке, где Россия является - при всех своих проблемах государственного устройства, характерных для многих федеративных стран, - страной с понятным законодательным полем, управляющей подавляющей частью своей территории, с урегулированными отношениями между центром и регионами, - это был очень непростой путь. И думаю, что попытки действовать с плеча, разжаловать автономные республики в области и т. д. - были бы опасны. Да, отнюдь не во всех странах федерации организованы по национальному признаку. Но там, где они так сложились, пытаться радикально их перестроить рискованно. Важно постепенно продвигаться в направлении более симметричных отношений. Это длинный путь, здесь революционных шагов предпринимать не надо. В Германии на протяжении десятилетий есть неурегулированные конституционные проблемы с Баварией - и ничего, живут. Это лучше чем, если б немцы начали решать эту проблему на основе массированных ковровых бомбардировок Мюнхена. А что касается Чечни - конечно, та политика, которую была избрана в 1994 году, была самой серьезной политической ошибкой Ельцина. Не потому, что чеченский режим того периода был хорошим, а потому что способ решения был абсолютно неадекватен реальной ситуации, реальной культурной и социальной традиции региона. Оно и принималось под воздействием людей, которые про Кавказ, про чеченцев не знали вообще ничего.

Возможно ли у нас правительство национального согласия?

А разве у нас уже есть национальное согласие? Когда есть национальное согласие по некоторым ключевым вопросам возможна и база для такого правительства. Германская угроза Англии создала базу для

правительства национального согласия. У нас по-прежнему общество разделено на две неравные части. Большая часть хочет идти вперед и иметь цивилизованное общество и экономику, и меньшая часть хотела бы вернуться назад и вернуть то, что у нас было. Какое между ними может быть согласие? Да, есть политический процесс, который определяет, какая часть из этого больше, какая меньше. В результате этих решений мы идем туда, куда идем, а не в обратную сторону.

Ну что же мы теперь договоримся, что будем стоять посередине?

В итоге, какая политическая модель на сегодняшний день у нас получилась?

У нас получилась постсоциалистическая модель. Она очень специфична. Социализм - крупнейшая аномалия в истории человечества. И он накладывает отпечаток на то общество, которое через него проходит. У нас получилась постсоциалистическая модель, которая формируется в условиях медленных, нерешительных реформ. От этого она несет на себе больше родимых пятен социализма и больше социальных издержек. Это рыночная экономика, где собственность и власть еще тесно переплетены. В которой разделение собственности и власти - важнейшая долгосрочная социально-экономическая задача. В которой идет борьба между тремя альтернативами. Одна из них - это собственность, слитая с властью и контролирующая власть. В полной мере ее представляет такой человек, как Борис Абрамович Березовский. Второе - это власть, слитая с собственностью и контролирующая собственность. Ее представляет такой колоритный политик, как Юрий Михайлович Лужков. Наконец, это собственность и власть четко разделенные. Собственность функционирует по законам, которые устанавливает власть, а власть прозрачна для общества. Это модель, за которую боремся мы.

Что нас ждет - стабильность или новый виток конфронтации?

Ситуация постепенно стабилизируется. Самая тяжелая часть переходного периода позади. Такие социальные подвижки, как снижение числа самоубийств, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни, четко обозначившиеся начиная с 1995 года, - наглядно показывает, что общество, которое на протяжении последних шести лет прошло очень тяжелый период, начинает приспосабливаться к новым условиям. И дай Бог, чтобы так это было.